

Я. А. ПЕНЬКОВА

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ТАК НАЗЫВАЕМОГО
БУДУЩЕГО СЛОЖНОГО II В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО»)***

В русистике за формой так называемого будущего сложного II (ниже — конструкция *будет + -л*), представляющей собой элевое причастие в соединении с формами презенса¹ от основы *буд-*, не закрепилось общего термина², что, по-видимому, является следствием отсутствия единства в вопросах, касающихся семантики и грамматического статуса данной структуры.

До сих пор остается открытым вопрос о том, являлась ли конструкция *будет + -л* исключительно относительным будущим временем или же имела также и модальное значение. Сторонники как одной, так и другой точки зрения многочисленны.

Мнения исследователей расходятся и в вопросе о грамматическом статусе конструкции *будет + -л*. Большинство исследователей считают рассматриваемую структуру формой времени, однако существуют и такие концепции (в рамках «модального» подхода), согласно которым *будет + -л* признается формой наклонения (Ф. И. Буслаев, А. А. Зализняк) или вовсе исключается из ряда аналитических глагольных форм и рассматривается в

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-0400093 «Лексикологическое исследование и словарное описание русского языка XI—XVII вв. (у — умытникь)». Автор благодарит К. А. Максимовича за ценные замечания, сделанные им в ходе работы над статьей.

¹ Вслед за А. В. Исаченко [Исаченко 2003: 411] под формами презенса понимаются синтетические формы настоящего-будущего времени обоих видов.

² Автору известны следующие терминологические обозначения конструкции *будет + -л*: «будущее условное» [Востоков 1863: 92], «будущее совершенное» [Соболевский 1907/2005: 245—246], «будущее предварительное» [Булаховский 1950: 220], «прошедшее в будущем» [Ломтев 1961: 308—312], «преждебудущее» [Борковский, Кузнецов 1963/2006: 262; Кузнецов 1953/2005: 197, 253], «предбудущее» [Хабургаев 1978: 48], «будущее относительное», «предбудущее» и «преждебудущее» [Горшкова, Хабургаев 1981/1997: 295; Мустафина 1984а: 15], «предположительное наклонение» [Зализняк 1995: 159; 2004: 134, 177], «Future Perfect» [Andersen 2006].

качестве составного сказуемого наряду с другими сочетаниями глагола **быти** с действительными и страдательными причастиями (А. А. Потебня). Рассмотрим основные точки зрения подробнее.

Ф. И. Буслаев называет конструкцию *будет + -л будущим временем условного наклонения*, т. е. парадигма условного наклонения, по Буслаеву, представлена прошедшим типа **далъ быхъ** и будущим типа **далъ бждеть** (сохранена орфография, представленная в [Буслаев 1869: 144—146]). Та же концепция развивается впоследствии в [Булаховский 1950: 199]: «Существовали... в древнерусском... употреблявшиеся обыкновенно в значении условного наклонения аналитические формы будущего времени, состоявшие из **буду...** и причастия... на -л».

А. Х. Востоков, рассматривая *будет + -л* в качестве формы времени, а не наклонения, все же указывает на ее связь с условной семантикой, называя структуру *будущим условным* [Востоков 1863: 92].

А. И. Соболевский обозначает рассматриваемую конструкцию заимствованным из латинской грамматики термином *будущее совершенное* (*futurum exactum*), трактуя *будет + -л* в качестве относительного времени [Соболевский 1907/2005: 245—246]. Близка к трактовке А. И. Соболевского и позиция Н. Н. Дурново, который также указывает на функцию предшествования и, вслед за Ф. И. Буслаевым, на условность семантики *будет + -л* [Дурново 1913: 90].

Т. П. Ломтев, точка зрения которого также, по-видимому, восходит к идеям А. И. Соболевского, рассматривает структуру как *прошедшее в будущем*, «сохраняющее значение в определенный момент будущего» [Ломтев 1961: 308—312].

П. С. Кузнецов называет конструкцию *будет + -л преждебудущим* или *предбудущим временем* и считает ее грамматической формой, объединяющей в себе перфектную и таксисную семантику: «Значение рассматриваемой формы может быть в какой-то мере уподоблено перфекту — она также может выражать (и обычно выражает) результат ранее совершенного действия, но отнесенный не к настоящему, а к будущему... Это время... имеет относительное значение, т. е. определяет действие не непосредственно по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени другого действия» [Кузнецов 1953/2005: 197].

Основоположником *модального* подхода к интерпретации семантики рассматриваемой структуры следует, по-видимому, признать А. А. Потебню. Хотя на близость значения *будет + -л* к условному указывалось еще в работах А. Х. Востокова и Ф. И. Буслаева, именно А. А. Потебня впервые заговорил о том, что *будет + -л* может терять отношение к будущему, «получив при этом модальный оттенок вероятности, или предполагаемости», и считает главным в семантике структуры именно «откровение того, что оно [событие] уже совершилось» [Потебня 1888: 291].

В дальнейшем Г. А. Хабургаев [Горшкова, Хабургаев 1981/1997: 316—319] и его ученица Э. К. Мустафина [Мустафина 1984] выдвинули предпо-

ложение о том, что носителем модального значения «возможного выявления, обнаружения признака... или действия» является сама основа *буд-*, и это значение присуще почти всем глагольным образованиям от этой основы: формам презенса, имперфекта и императива. В качестве эквивалента этому модальному значению *будет* в современном русском языке используется глагольная форма *окажется*. Данный способ перевода древнерусского *будет* встречается и ранее — уже в работах А. А. Потебни (см. [Потебня 1888: 291]). К этому же способу передачи значения древнерусского *будет* прибегают впоследствии и некоторые другие исследователи (см., например, [Кузнецов 1953/2005: 197; Яковлева 1953: 15; Зализняк 1995: 159; 2004: 177; Шевелева 2008: 34]).

Модальной трактовки грамматического значения конструкции *будет + -л* придерживается и А. А. Зализняк, рассматривая эту структуру как форму особого наклонения, однако не условного, как считал Ф. И. Буслаев, а *предположительного*: «дело в том, что в некнижных источниках она в действительности крайне редко означает будущее время, а в нормальном случае имеет чисто модальное значение, которое может быть приблизительно передано как ‘окажется, что [нечто уже произошло]’»: **ци ти боудюу задела своимъ възюумьель** — ‘если окажется, что я тебя по своему неразумию задела’ № 752 (XI—XII вв.) [Зализняк 1995: 159; 2004: 134, 177].

В работах В. В. Иванова и В. Б. Силиной гипотеза Г. А. Хабургаева о наличии модального компонента в семантике рассматриваемой структуры отвергается [Иванов 1982: 112; Силина 1995: 399—401]. Причиной возникновения *модального* толкования конструкции *будет + -л* (значение «возможного выявления признака в будущем...»), предложенного в [Горшкова, Хабургаев 1981: 297], служит, согласно [Иванов 1982: 112] и [Силина 1995: 399—401], то, что основной сферой употребления *будет + -л* в древнерусском языке является протазис условной конструкции, ср.: «... в действительности это была чисто временная форма, не имевшая отношения к категории наклонения... сама по себе форма преждебудущего времени условного значения первоначально не имела — ее условность зависела от союза, которым вводилось придаточное предложение» [Иванов 1982: 112].

Таким образом, грамматическим значением *будет + -л* признается только значение предшествования в будущем: «...преждебудущее время в др.-рус. языке XII—XIII вв., в основном, выполняло свою прямую функцию» [Силина 1995: 401].

Той же точки зрения на грамматическую природу рассматриваемой структуры придерживается и Х. Андерсен. В статье, посвященной будущему времени в древненовгородском диалекте, тезис о модальном значении конструкции *будет + -л*, выдвинутый в [Зализняк 2004: 134, 177] и ранее в [Горшкова, Хабургаев 1981: 295], ставится под сомнение: «... the Future Perfect simply expresses the writer’s anticipation of the reader’s time» ‘будущее время перфекта просто выражает предвосхищение пишущим времени читающего’ [Andersen 2006: 82]; ср. также: «The Future Perfect was a

relative past tense; it referred to events that were past relative to a future point in time» ‘будущее время перфекта было относительным прошедшим временем; оно отсылало к событиям, которые были прошедшими относительно некоторого момента в будущем’ [Там же: 85]. Как следствие, Х. Андерсен отвергает и получивший достаточно широкое распространение способ перевода древнерусского *будет* на современный русский язык — ‘окажется’ [Там же: 80], подразумевающий идею перехода ситуации из статуса потенциально возможной в статус реальной и потому используемый преимущественно в рамках модального подхода к толкованию значения конструкции *будет* + -л.

Таким образом, в русистике сложились две основных концепции грамматического значения конструкции *будет* + -л. Согласно одной из них, названная структура признается «классическим» относительным будущим временем (А. И. Соболевский, В. В. Иванов, В. Б. Силина, Х. Андерсен и некоторые другие³). Согласно другой, конструкция совмещает результативное значение с модальным (А. А. Потехня, Г. А. Хабургаев, Э. К. Мустафина, А. А. Зализняк).

В настоящей статье мы попытаемся уточнить сложившиеся представления о семантике конструкции *будет* + -л и прояснить вопрос о том, имела ли данная структура в древнерусском языке модально-результативное значение или же функционировала как «классическое» относительное будущее время.

Место конструкции *будет* + -л в системе времен древнерусского языка

Многообразие подходов к интерпретации семантики *будет* + -л, на наш взгляд, обусловлено несколькими причинами. Одной из них является особое положение данной структуры в системе древнерусского глагола.

Место конструкции *будет* + -л в системе времен впервые специально обсуждается в исследовании [Andersen 2006: 84—85], в котором предлагается следующая схема (латинская орфография переведена в кириллическую):

Simple	Present несоу	Aorist несохъ	Imperfect несахъ	Future почьноу нести
Compound	Perfect неслъ есмь	Pluperfect I бѣхъ неслъ	Pluperfect II бахъ неслъ	Future Perfect будоу неслъ

Эта схема, в которой каждой форме абсолютного времени соответствует форма относительного времени, представляется справедливой в большей степени для книжного языка, ориентированного на южнославянскую систему времен (исключение — *начьноу/почьноу* + инфинитив), но не вполне точно отражающей ситуацию, характерную для живого древнерусского

³ Та же концепция развивается в [Večerka 1993: 180—181] применительно к употреблению конструкции *будет* + -л в старославянской письменности.

языка. Формы аориста и имперфекта на восточнославянской почве в письменную эпоху сохраняются, по-видимому, только в сфере пассивного знания [Зализняк 2004: 174]⁴, так что в живом древнерусском языке, в том числе и в древненовгородском диалекте, — а ведь именно о данном идиоме идет речь в работе Х. Андерсена, — функции простых претеритов уже в раннедревнерусский период выполняли формы перфекта и плюсквамперфекта ([Там же: 175—177]).

Подсистема футурума в живом древнерусском языке также не была в точности такой, как она представлена в таблице, поскольку инфинитивные сочетания с глаголом *начьноу*, которые, безусловно, обнаруживали некоторую тенденцию к грамматикализации в качестве форм будущего времени, были еще далеки от того, чтобы их можно было признать формами аналитического будущего, так как сохраняли свою модально-фазовую семантику и не были закреплены исключительно за презенсом [Юрьева 2009: 22—23].

Место конструкции *будет* + *-л* в системе древнерусского глагола, на наш взгляд, точнее можно было бы определить следующим образом. Рассматриваемая структура в древнерусском языке находится как бы на пересечении двух глагольных подсистем. С одной стороны, (как справедливо отмечено в [Andersen 2006: 84—85]) *будет* + *-л* принадлежит системе перфекта. Существенные изменения внутри системы перфекта начинаются уже в раннедревнерусский период [Хабургаев 1978]; они связаны с утратой *л*-формой атрибутивности и превращением её в претерит, что влечет за собой переосмысление компонентов в составе всех времен перфектной группы (в том числе и вспомогательного *будет* в составе рассматриваемой структуры), нарушая то идеальное соотношение, которое представлено в приведённой выше таблице. С другой стороны, конструкция *будет* + *-л* принадлежит системе модальных образований (не будущих времен!) типа *хочю* + инфинитив и модально-фазовых типа *имоу*⁵/*начьноу* + инфинитив⁶, служащих в древнерусском языке средствами обозначения событий, относящихся к плану будущего. Кроме того, не стоит забывать о том, что конструкция *будет* + *-л* как одно из средств выражения реального условия коррелирует не только с формами индикатива, но и с формой сослагательного наклонения *быхъ* + *-л*, обозначающей ирреальное условие и в качестве вспомогательного использующей форму от той же основы.

⁴ Некоторые исследователи даже более категоричны в своих утверждениях относительно форм аориста и имперфекта и предполагают полное отсутствие имперфекта и раннюю утрату аориста в живом древнерусском языке уже в XI в. ([Хабургаев 1991: 48], ср. также [Успенский 2002: 215]).

⁵ Согласно [Юрьева 2009: 7], конструкции *имамь* + инфинитив, в отличие от *имоу* + инфинитив, не были характерны для живой древнерусской речи.

⁶ В [Юрьева 2009: 19] показано, что, помимо фазисного значения, структура *начьноу* + инфинитив фиксируется в древнейших памятниках также в модально-фазовом значении 'окажется'.

Характер употребления конструкции *будет* + *-л* в древнерусской письменности

Характер употребления конструкции *будет* + *-л* в текстах различной жанровой принадлежности, разной датировки и локализации имеет свои особенности, подробно описанные в [Пенькова 2012: 115—203]. В настоящей статье важно заострить внимание на тех из них, которые имеют ключевое значение для выявления специфики семантики данной формы.

Наиболее широко рассматриваемая структура представлена в деловой письменности, поэтому во многих работах значение и употребление конструкции *будет* + *-л* в русском языке исследуются по большей части на материале деловых текстов, ср. [Кузнецов 1953; Ларина 1953; Яковлева 1953; Соколова 1972; Горшкова, Хабургаев 1981/1997]. В диссертации Э. К. Мустафиной [Мустафина 1984] исследование осуществляется на материале Повести временных лет, в которой рассматриваемая конструкция встречается главным образом не в основном тексте летописи, а в договорах с греками. Большинство примеров, анализируемых в [Иванов 1982: 110—113] и [Силина 1995: 399—411], — также из деловой письменности.

При этом в деловых документах (преимущественно раннего периода [Пенькова 2012а: 10]) основными типами употребления конструкции *будет* + *-л* являются протазис условной конструкции, на что многократно обращали внимание исследователи (см., напр., [Кузнецов 1953/2005: 197—198; Горшкова, Хабургаев 1981/1997: 316—319; Силина 1995: 401]), или зависимая часть местоименно-соотнесительного предложения (для более позднего периода, см. [Пенькова 2012а: 10]) — структуры, затрудняющие выявление собственной семантики *будет* + *-л*, ср.:

... нѣ уже будеть оубиѣ или въ сваде или въ пироу явлено тѣ тако ему платити по вѣрви [РП: 3];

... кто будеть друга внѣ деревомь. а будутъ сини раны. или крѣвавѣ. полоуторы. грив. серебра. платити кмоу [СГ, список В, 1297—1300 гг.].

В новгородских берестяных грамотах, отмечено 8 примеров конструкции *будет* + *л*, в 7-ми примерах из 8-ми представлены условные предложения [Andersen 2006], ср.: **аже будешь не поминала ино у тебе солоду было а солодъ ржаныи в потклѣтѣ** 'Если, может быть, ты не помнишь, (если окажется, что ты не упомянула [забыла],) то [имей в виду:] у тебя солод был. Солод ржаной в подклете'⁷ (№ 363) [Зализняк 2004: 606].

Исследованные нами летописные памятники мало отличаются от деловых и бытовых характером употребления конструкции *будет* + *-л*, которая при этом обладает здесь чрезвычайно низкой частотностью. В ранних ле-

⁷ Перевод А. А. Зализняка.

тописях зафиксировано всего 11⁸ примеров: 5 в тексте КЛ, 2 — в ГВЛ (оба — в волинской части летописи⁹), 2 — в НПЛК, 1 — в НПЛС, 1 — в приписке к СЛ,¹⁰ (в основном тексте СЛ и в РЛ рассматриваемая структура не встречается). При этом более половины случаев употребления конструкции *будет* + -л (6 из 11-ти) в текстах летописей отмечено в условных предложениях, еще 2 — в местоименно-соотносительных, и только в 3-х примерах из не книжной прямой речи КЛ представлены структуры других типов:

... азъ ти есмь съ бра^тмъ твоимъ с Володимеромъ Ѡселѣ оуже пошелъ, а ты понди Ѡтолѣ, скѹпаса весь, а вѣдалъса будеть Володимеръ, кого заемъ 'я же с братом твоим Владимиром отсюда уже вышел, и ты выходи оттуда, собрав всех людей, чтобы узнал Владимир [Галицкий] (букв.: а узнавшим станет Владимир), кого захватил' [КЛ, 1150 г., 147 об.]. Ср. разбор этого контекста ниже, после примера (13);

... ты еси молодъ а поеди прочь и на позорѹ, како ны будеть Ѡць твои кормилъ и любилъ, а хочемъ за Ѡца твое чть и за твою головы свога сложити 'поезжай прочь и за нами наблюдай; поскольку отец твой нас кормил и любил, то мы готовы за отца твоего честь и за твою головы свои сложить...' [КЛ, 167 об. — 168, 1153 г.] — речь идет об уже умершем отце юного князя Ярослава Владимировича Галицкого, ср. пример (17);

... аче стрѹи придетъ на тѹ Дюрги, понѣ ты са с людьми оутверднѣ будеши, годно ти са с ни оумирити — оумиришиса, паки ли а рать зачнеши с ни 'если твой дядя Георгий придет на тебя с войной после того, как ты договоришься (окажешься договорившимся) с людьми, то захочется тебе с ним помириться — помиришьса, если же нет, то вступишь с ним в войну' [КЛ, 170 об., 1154 г.].

В более книжных текстах, как переводных, так и оригинальных, конструкция *будет* + -л так же, как и в летописях, встречается чрезвычайно редко: в Изб. 1076 г. — 3 примера, в Х.Дан.иг. — 1 (в местоименно-соотносительном предложении), в Поуч.Серапиона Вл. — 2 (в условном и местоименно-соотносительном предложении), ЧН — 1 пример [Силина 1995: 400]. В ИИВ встретилось 4 случая употребления *будет* + -л, при этом 3 из них также в протазисе условной конструкции.

⁸ С учетом не относящейся к самому летописному тексту приписки монаха Лаврентия в СЛ под 1377 годом.

⁹ О «галицкой», более книжной, и «волинской», менее книжной, частях в ГВЛ см. [Шевелева 2010: 216; Юрьева 2013: 135—151].

¹⁰ В исследованных летописных памятниках, относящихся к более позднему периоду, конструкция *будет* + -л также встречается чрезвычайно редко: в Пск. 2 лет. нет примеров, в Пск. 3 лет. представлено 3 примера, в Никон. лет. за 1-ую половину XVI в. — 1.

Большое количество примеров употребления конструкции *будет* + *-л* (всего 28 случаев) представлено в приписках писцов к различным спискам Евангелия, Апостола, Пролога и др., собранных в работе [Столярова 2000], однако во всех этих примерах рассматриваемая форма представлена в условном протазисе или в зависимой части местоименно-соотнесительного предложения, в составе формул, сообщающих о возможных ошибках писца: **Цѣ зда бѹдѹ кде описалъса хоудымь оумомь грѣшнымь, простѣте** (Ев. Гал. 1266—1301 г.); **аще кдѣ бѹдѹ изгубилъ...** (Ев. 1307 г.); **гдѣ са бѹдѹ описалъ, исправите, Бога дѣла** (Апостол к. XIV в.) (цитируется по [Столярова 2000: 185, 423]); ср. текст приписки к Лаврентьевской летописи: **уже са гдѣ бѹдѹ описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, читите, исправливаа Ба дѣла** [СЛ, 173, 1377 г.].

В ЖФП конструкция *будет* + *-л* представлена всего одним примером, и это также употребление в протазисе условного предложения, ср.: **Аще и грѣхы боудеть кѣто сѣтворилъ, азъ имамъ о томь прѣдъ бѣмь ѿвѣщати** [ЖФП, 63г].

Таким образом, вторая причина, затрудняющая выявление собственно грамматического значения *будет* + *-л*, состоит в том, что эта конструкция фиксируется преимущественно в условных предложениях, семантика которых не позволяет однозначно определить, принадлежит ли «условность» значению самой конструкции *будет* + *-л* или задается лишь контекстуально, и чрезвычайно редко встречается в других типах структур.

В связи с указанными особенностями употребления конструкции *будет* + *-л* в памятниках представляется продуктивным обращение к понятию *диагностического контекста*, используемому, к примеру, в работе [Кукушкина, Шевелева 1991: 38—49] применительно к анализу семантики различных аспектуальных типов глагольных основ.

В нашем случае контексты, в которых *будет* + *-л* употреблена в условном придаточном в соседстве с условным союзом, следует признать *недиагностическими*, не позволяющими четко отграничить собственную семантику рассматриваемой формы от значения условной конструкции в целом¹¹. Исследуя семантику конструкции *будет* + *-л*, необходимо опираться на контексты другого типа, в которых значение рассматриваемой формы менее обусловлено семантикой структуры, в составе которой она употребляется. Примеры именно такого рода, чрезвычайно редкие в древнерусских памятниках, содержит текст ЖАЮ.

¹¹ Ср. обобщение в [Bybee 1998: 263]: «...the innovation of grammaticization tends to take place in main clauses (...) grams tend to remain conventionalized in subordinate clauses, where it is difficult to identify their semantic contribution» 'изменения (степени) грамматикализации имеют тенденцию происходить в главной части предложения (...) грамматические показатели тяготеют к конвенционализации в придаточных предложениях, в которых сложно выявить семантический вклад, [вносимый этими показателями]'.

Конструкция *будет* + -л в Житии Андрея Юродивого

Поскольку рассматриваемая конструкция в летописях, житиях и других книжных текстах, как оригинальных, так и переводных, употребляется чрезвычайно редко, а в деловых текстах наблюдается закрепление *будет* + -л за условными и местоименно-соотносительными структурами, особую ценность приобретают данные ЖАЮ, в котором зафиксировано 15 случаев употребления *будет* + -л, т. е. больше, чем во всем корпусе исследованных нами летописей, почти в 2 раза больше, чем в корпусе берестяных грамот, исследуемых в [Andersen 2006], и в 1,5 раза больше, чем в исследованных оригинальных и переводных книжных памятниках (см. выше). Особая ценность примеров из ЖАЮ для исследования грамматической семантики конструкции *будет* + -л связана не только с количественным критерием, но и с характером самих структур, в которых фиксируется интересующая нас форма: на 15 случаев приходится только один, в котором рассматриваемая конструкция употреблена в придаточном условном (с условным союзом **ѣще**), и только один случай с *будет* + -л в местоименно-соотносительном предложении.

Материал ЖАЮ в исследованиях, посвященных интересующей нас проблематике, ранее не привлекался. Как известно, язык ЖАЮ является весьма архаичным и менее книжным в сравнении с другими житиями XI—XII вв., отражает большое число русизмов на разных языковых уровнях [Молдован 2000: 149; Пичхадзе 2011: 335—347], что позволяет судить не только о книжных особенностях употребления конструкции *будет* + -л, но и о функционировании формы в живом древнерусском языке, в особенности в тех случаях, когда данные ЖАЮ подтверждены примерами из «некнижной» КЛ.

Древнейший список ЖАЮ (РГАДА, ф. 381 № 182), датируемый концом XIV в., согласно [Молдован 2000: 35], в значительной степени сохраняет особенности архетипа, в особенности — в области синтаксиса, что позволяет судить о специфике употребления конструкции *будет* + -л в раннедревнерусском языке. В настоящей работе используется именно этот список ЖАЮ, текст которого вместе с восстановленными по данным весьма точного списка с этой рукописи (Сол. № 216) недостающими фрагментами опубликован в издании [Молдован 2000]. Примеры из ЖАЮ и их греческие соответствия, за исключением особо оговариваемых случаев, приводятся по указанному изданию.

Древнерусский перевод ЖАЮ, осуществленный, согласно [Арх. Сергей 1898/2007: 210], в XI — нач. XII вв., был выполнен очень качественно, автор «хорошо знал разговорный греческий язык своего времени и успешно справился с переводом редких греческих слов» [Молдован 2000: 104—105]. Высокое качество перевода дает возможность сопоставлять древнерусский текст с греческим оригиналом, что во многих случаях способствует более глубокому пониманию семантики исследуемой формы, поскольку некоторые редкие типы употребления конструкции *будет* + -л, представленные в житии и почти не фиксируемые в других памятниках, не связаны

с калькированием греческого текста. Таким образом, ЖАЮ позволяет, сопоставив древнерусский текст с текстом греческого оригинала, выявить примерный набор семантических признаков, который в том или ином контексте побуждал переводчика к использованию конструкции *будет* + *-л*, и тем самым прояснить вопрос, связанный с наличием или отсутствием модального компонента в семантике рассматриваемой структуры.

В ЖАЮ, в отличие от других исследованных нами текстов, конструкция *будет* + *-л* употребляется не только в прямой и косвенной речи, но и в нарративе и представлена в следующих типах синтаксических структур: в косвенном вопросе (1 пример), в составе придаточных разных типов (в условном — 1 пример, в местоименно-соотносительном предложении — 1, в присубстантивной конструкции — 2, в придаточном времени — 1, в придаточном изъяснительном — 1, в придаточном причины — 1), в структурах с частицей *да* в целевом значении (2 примера) и в главной части сложноподчиненного предложения (5 примеров).

Таким образом, конструкция *будет* + *-л*, вопреки традиционному мнению, не обнаруживает жесткой закрепленности за определенными типами синтаксических структур, и свободно употребляется не только в различных типах придаточных, но и в главном предложении.

Употребления конструкции *будет* + *-л* в ЖАЮ неоднородны и отчетливо делятся на 3 семантических типа. В рамках первого типа событие и/или его результат, называемые этой конструкцией, отнесены к плану будущего и обычно предшествуют другому событию в будущем. Будем называть данный тип «результативность в будущем».

В употреблении второго типа структура выражает не предшествование результата, а его следование за другим событием в будущем. Назовем данный тип «следование в будущем».

В употреблении третьего типа конструкция *будет* + *-л* выражает *предположение* говорящего, при этом ситуация, называемая формой *будет* + *-л*, отнесена к плану прошлого. Будем называть данный тип «модальным».

1. Результативность в будущем

В ЖАЮ конструкция *будет* + *-л* в данном употреблении представлена 6-ю контекстами из 15-ти.

- 1) ... елико ихъ не покаѣлось бѣдетъ, вѣчномѣ огнѣи прѣдани бѣдоути 'сколько их окажется не покаявшимися, будут преданы вечному огню' [ЖАЮ, 5813—5816].
... ὅσοι οὐ μετεμελήθησαν, τῷ αἰωνίῳ πυρὶ παραδοθήσονται букв.: 'сколько их не покалось, вечному огню преданы будут' (5815—5816).
- 2) ... а егда кто любо отвержется дѣлъ вашихъ, еже бѣдетъ дѣлаи прѣже, како то терпѣтъ¹² 'а когда кто-нибудь отречется от дел ва-

¹² Форма презенса 3 л. ед. ч. с меной ѣ и и, ср. греческий контекст.

ших [бесовских], которые делал (окажется делавшим) до этого, как это переносит' [ЖАЮ, 5924—5926].

... ὅταν τις ἀρνήσεται τὰ πάθη ὑμῶν, ὧν πρῶτον κάτοχος ἐχρημάτιζεν, καὶ προσέλθῃ διὰ μετανοίας Θεῶ, πῶς φέρεται букв.: 'когда кто-нибудь отречется от страстей ваших, обладателем каковых прежде именовался, и приблизится через покаяние к Богу, как это переносит' (5925—5926).

- 3) ... **понеде да виѣтъ вариво, како вѣдетъ оустроилъ емѣ явивыиса емѣ** [Епифаний] 'пошел посмотреть блюдо, каким окажется то, что сделал ему явившийся ему' [ЖАЮ, 1425—1426] (речь идет о чудесной помощи Епифанию в приготовлении пищи: Епифаний во время церковной молитвы подвергся искушению оставить церковную службу и вернуться домой, чтобы проверить, не сгорела ли пища, однако он всецело положился на волю Божию, и его блюдо было чудесным образом спасено ангелом);

... ἀπήει θεάσασθαι, ὁποῖον αὐτῷ ὁ φαεῖς τὸ ἔψημα κατεσκεύασεν (1425—1426), букв.: 'ушел посмотреть, какое ему явившийся блюдо приготовил'.

- 4) ... **да изиди уже да посѣтиши, ега (так! [вм.: еда]) како пригорѣло вѣдетъ да начнетъ смѣрдѣти, а церковь твоѣ не оубѣжитъ ѿсюдѣ** 'выйди [из церкви], чтобы посмотреть, как бы не оказалось (стало) пригоревшим [блюдо], и не начало дурно пахнуть, а церковь отсюда от тебя не убежит...' [ЖАЮ, 1375—1377] (передается речь одного из злых духов, искушающего Епифания во время церковной молитвы);

... θεάσαι μή πως καῦσιν πεποίηκεν... букв.: 'посмотри, как бы не вызвало каким-нибудь образом сжигание' (1374—1375).

- 5) ... **Тогда еще кто ѿ стыхъ одва са вѣдетъ оутанлъ в пыстынахъ** (так! [вм.: оустынахъ]) **ѿ антихѣта, вса ты Гѣ дхомъ силы своа въ стын градъ Сионъ свереть** 'в то время кто из святых еще окажется спрятавшимся в пустынях от антихриста, всех тех Господь духом силы своей в святой град Сион соберет' [ЖАЮ, 5513—5515].

... Τότε εἴ τις τῶν ἁγίων λαθῶν τῷ ἀντιχρίστῳ ἐύρηθήσεται ἐν ἐρημίαις καὶ ἄπαντος αὐτοῦς ὁ Κύριος πνεύματι δυνάμεως αὐτοῦ ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει Σιών ἀθροίσει [PG 111: 872¹³ 'тогда если кто-то из святых, спрятавшийся от антихриста, найдется в пустынях, то всех Господь духом силы Его в святой город Сион соберет'.

- 6) ... **да занеже не вѣдетъ в то время мѣжа добра, нѣ вси вѣдоутъ погыбли** 'и так как не будет (не найдется) в то время достойного

¹³ Приводим соответствующий греческий текст по [PG 111], так как воспроизведенный в [Молдован 2000] фрагмент греческой рукописи на данном отрезке содержит большое количество ошибок.

человека, но окажется, что все погибли (погибшие)’ [ЖАЮ, 5316—5317]);

... διὰ δὲ τὸ μὴ εἶναι κατὰ χρείαν τῷ καιρῷ ἄνδρα ἐπίσημον, ἀλλὰ πάντας τῆς ἀπωλείας (5316—5319).

В примерах (1)—(4) структуре *будет* + *-л* в тексте оригинала соответствуют формы аориста, перфекта и имперфекта. Перевод данных форм с помощью конструкции, имеющей футуральную семантику, объясняется, по видимому, соседством с формами, выражающими значение будущего времени. Так, почти во всех примерах (включая (5) и (6)) конструкция *будет* + *-л* привязана к одной из структур, называющих ситуации, связанные с планом будущего: «**БУДУЕТЬ** + причастие на *-н*» — в (1), формы простого будущего времени (презенс совершенного вида) — в (2), (5) и (6), «**НАЧЬНОУ** + инфинитив» — в (4). К этим формам примыкает и конструкция со значением цели «**ДА** + презенс» в (3), также относящая действие к плану будущего.

Одной из важных синтаксических характеристик данного типа, напрямую связанных с употреблением в контексте с одной из форм, имеющих футуральную семантику, является употребительность в придаточных предложениях (исключение составляет (6), см. о нем ниже), поскольку в качестве точки отсчета выступает одна из временных форм в главном предложении.

При этом важно подчеркнуть, что рассматриваемая конструкция все же не просто указывает на факт хронологического предшествования одного события другому (называемое ею событие может отстоять во времени сколь угодно далеко от другого события в будущем, ср. (1) и (2)), но выдвигает на первый план наличие результата, по тем или иным причинам актуального или логически связанного с другим событием в будущем, т. е. имеет не таксисную, а именно смещенно-перфектную семантику, выражающую связь двух временных планов, предшествующего и последующего, ср. (4): ...**како пригорѣло БУДЕТЬ да начнеть смѣрдѣти**. На необходимость разграничения перфектной и таксисной семантики — применительно к значению форм плюсквамперфекта в древнерусском языке — особо обращается внимание в [Шевелева 2007: 216—217]. Кажется необходимым провести такое же разграничение и применительно к значению конструкции *будет* + *-л*, входящей наряду с плюсквамперфектом в систему перфектных образований.

Среди приведенных контекстов присутствуют как такие, в которых ситуация имеет чисто гипотетический характер (примеры (1), (2), (5)), так и такие, в которых ситуация уже имеет место в момент речи (3), (4); в последнем представлена ситуация, противоположная предполагаемой, и только для воспринимающего субъекта истинное положение дел будет обнаружено в будущем. В последних примерах отчетливо заметен семантический компонент, связанный с обнаружением, выявлением в будущем истинного положения дел, неизвестного в момент речи (на современный

русский язык это более или менее удачно переводится словоформой *окажется*¹⁴). Употребляя конструкцию *будет* + *-л*, говорящий в той или иной мере допускает возможность и иного пути развития событий, т. е. вводит в высказывание значение потенциальной модальности¹⁵. Так, в (4) (**да поспѣтиши ега [вм.: еда] како пригорѣло бѹдеть...**) в роли воспринимающего субъекта выступает адресат, и рассматриваемая конструкция маркирует именно точку зрения адресата, которому в момент речи неизвестно, имеет ли место в реальности описываемая говорящим ситуация (адресат не знает наверняка, подгорело блюдо или нет, и может обнаружить, каково реальное положение дел, только в будущем)¹⁶. Сходная ситуация представлена и в (3) (**...да видѣ вариво како бѹдеть оустроилъ емѹ**).

В (1), (2) и (5) конкретный адресат отсутствует, поскольку речь идет не о единичной ситуации, а о некотором множестве потенциально возможных ситуаций. В этих случаях семантический компонент, связанный с обнаружением, менее очевиден. Однако на присутствие в семантике формы перцептивного компонента, трудно улавливаемого современным исследователем, может указывать — по крайней мере, в (5) — греческое соответствие.

При сопоставлении древнерусского контекста с соответствующим фрагментом в греческом, как и в других примерах (см. ниже), обнаруживаем несоответствие синтаксических структур, при этом основные смыслы, присутствующие в греческом тексте, в древнерусском переводе сохранены: конструкции **бѹдеть оустроилъ** соответствует сочетание пассивного футурума от глагола $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\omega$ 'находить, обнаруживать' и активного причастия аориста от глагола $\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ 'быть скрытым', букв. 'найдется спрятавшийся'. Тот факт, что форма греческого футурума от глагола $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\omega$ 'находить, обнаруживать' переведена именно с помощью **бѹдеть** (а не, к примеру, **обращеться**¹⁷), указывает на общность семантики между древнерусским и греческим глаголами, способными употребляться как в экзи-

¹⁴ Современный перевод конструкции с помощью форм прошедшего или будущего времени (типа «все погибли/погибнут» — для (6)) эту специфику семантики передать не способен.

¹⁵ Ср. трактовку понятия потенциальности в [Бондарко 1990: 75]: «В модальных значениях отражается не только оппозиция Р/ИР (РЕАЛЬНОСТЬ/ИРРЕАЛЬНОСТЬ — Я. П.), но и динамика (курсив мой — Я. П.) связей между реальностью и ирреальностью. Именно эти связи отражаются в понятии потенциальности».

¹⁶ Семантические компоненты 'неизвестность в момент речи' и 'обнаружение в будущем' позволяют говорить об объединении в структуре значения *будет* + *-л* эвиденциальности и эпистемической модальности. О близости двух названных категорий см., например, [Palmer 2001: 24—58].

¹⁷ Глагол **обръстисѧ** употребляется в ЖАЮ 8 раз [Молдован 2000: 719]; из них в 6-ти случаях — в форме аориста — он соответствует греческому $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\omega$, в 2-х остальных — в форме презенса — он соответствует греческим глаголам $\acute{\phi}\acute{\upsilon}\omega$ и $\epsilon\upsilon\acute{\phi}\rho\alpha\acute{\iota}\nu\omega$.

стенциальном, так и в перцептивном значениях, связанных, как известно, отношениями регулярной многозначности¹⁸.

Указанный случай передачи греческого глагола εὕρισκω с помощью **БУДЕТЬ** не является в ЖАЮ уникальным. По крайней мере еще дважды, причем в различных синтаксических структурах, переводчик жития в качестве древнерусского эквивалента названному греческому глаголу выбирает **БУДЕТЬ**, ср.:

- 7) ... и въ градѣ семъ измаилитѣнина не бѹдетъ 'и в этом городе (ни одного) иноверца не окажется' [ЖАЮ, 5166—5167] — ... καὶ ἐν τῇ πόλει ταύτῃ Ἰσμαηλίτης οὐχ εὕρεθήσεται
- 8) ... не гордись... да бѹдеши достоинъ стельства 'не гордись... чтобы оказаться достойным архиерейского сана' [ЖАЮ, 2319—2323] — ... ὅπως ἄξιος εὕρεθῆς τῆς ἀρχιερωσύνης.

Приведенный выше пример (6) (... нъ вси бѹдоутъ погыбли) заслуживает отдельного комментария. Здесь конструкция *будет* + -л имеет очень архаичное употребление, вовсе не связанное с функцией предшествования, а выражающее чистую статальность¹⁹, отнесенную к будущему (букв.: 'все окажутся погибшими'). Акциональной интерпретации данного контекста, на первый взгляд более естественной для носителя современного русского языка ('все погибнут'), препятствует греческое соответствие — структура с так называемым *genitivus characteristicus*: πάντας τῆς ἀπωλείας²⁰.

Таким образом, рассмотренные контексты из ЖАЮ показывают, что главным в семантике рассматриваемой структуры является указание не столько на предшествование другому событию, сколько на результат, наступление (ср. (1), (2), (5), (6)) или обнаружение которого (ср. (3), (4)) *потенциально* возможно в будущем, т. е. такисное значение предшествования вторично по отношению к результативному, и контекстуально обусловлено (связано с употреблением конструкции *будет* + -л в придаточном при формах будущего времени в главном предложении), что подтверждают другие типы употребления этой конструкции, в которых ее значение в меньшей степени зависит от контекста (см. ниже); на это же в ряде случаев указывают и данные греческого оригинала (ср. (6), а также контексты в разделе III).

Возможность функционирования конструкции *будет* + -л в качестве маркера потенциальной модальности объясняется в том числе и семантическими особенностями древнерусского **БУДЕТЬ**, который в качестве гла-

¹⁸ Ср. [Падучева 2004: 201]; эта взаимосвязь между экзистенциальным и перцептивным значением отмечается в [Lampe 1961: 574] для греческого глагола εὕρισκω в формах пассивного залога, ср. комментарий: «be found, i. e. be present».

¹⁹ О типологических особенностях эволюции перфекта см. [Маслов 2004: 54—61; Петрухин 2004].

²⁰ По-видимому, в рассматриваемом контексте присутствует аллюзия на Священное Писание, ср. (Ин. XVII: 12), (2 Фесс. II: 3): ὁ υἱὸς τῆς ἀπωλείας 'сын погибели'.

гола-связки мог употребляться в двух вариантах: ‘окажется, обнаружится’ и ‘станет, начнет существовать’, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из древнерусских памятников, оставшиеся незамеченными в современных исследованиях, целиком сосредоточенных только на проблеме семантики самой конструкции *будет* + *-л* и не учитывающих других употреблений *боудеть*; ср. контекст из НПЛС, в котором в главной части предложения *боудоу* имеет значение, близкое к ‘стану’, тогда как в зависимой — ‘окажусь’: **Твѣрдиславъ же, прозря на святую Софию, и рече: даже буду виноватъ, да буду тѣ мертвъ, буду ли правъ, а ты мя оправн, Господи** ‘Твердислав же, взглянув на святую Софию [церковь], сказал: если окажусь виноват, пусть буду (стану) тут же мертв, окажусь ли прав, а Ты покажи мою невиновность, Господи’ [НПЛС, 90 об., 1218 г.] — то же в НПЛК; ср. также: **И даша посадничество Павшѣ Онаньиничю; а тысяцкого не даша никомуже, ци будеть Кондратъ живъ** ‘и отдали посадничество Павше Онаньиничу, а тысяцким не поставили никого, вдруг окажется Кондрат жив’ [НПЛС, 146 об., 1269 г.] — то же в НПЛК; или: **А язъ пошлю свои философы, дажь поговорят про вѣру, увѣдают, чья будет вѣра лучши. Аще ваша будет вѣра лучши, язъ иду в вашу вѣру. Аще ли будет наша вѣра лучши, вы пойдите в мою вѣру** ‘и я пошлю своих мудрецов, пусть поговорят про веру, узнают, чья вера окажется лучше. Если ваша вера окажется лучше, я иду в вашу веру, если окажется наша вера лучше, вы идите в мою веру’ [НПЛК, 213 об., 1348г.] и многое другое (см. [Пенькова 2012: 231—324]).

II. Следование в будущем

Данный семантический тип, по-видимому, является производным от первого («результативность в будущем»). В основании — метонимический перенос, схема которого могла быть примерно такой: ‘результат некоторого события + его актуальность в будущем’ → ‘результат + продолжение его существования в будущем’ → ‘возникновение новой ситуации и ее продолжение’ (о семантической деривации граммема см. [Князев 2007: 96]). Фокус с результата смещается на следствие (последующее итоговое состояние²¹), тем самым конструкция приобретает начинательное значение: ‘начнет (возникнет) и продолжит существовать Р’, в некотором отношении синонимичное значению структуры «*начноу* + инфинитив», но, в отличие от последней, оно маркирует не собственно начальную фазу ситуации, а представляет событие проспективно — с того момента, когда результат уже достигнут, ср. переносное употребление форм прошедшего времени СВ в императивном значении в современном русском языке: *Куда? — спросил извозчик. — Пошел прямо!* (Н. Гоголь. Нос), пример из [Князев 2007: 104].

В названном употреблении конструкция *будет* + *-л* представлена в ЖАЮ в 5-ти случаях из 15-ти, составляющих 2 подтипа: 1 — в главной

²¹ В терминологии Ю. П. Князева — *результатирующая фаза* [Князев 2007: 96].

части сложноподчиненного предложения, 2 — в структурах с частицей **да** в значении ‘чтобы’.

II. 1. Первый подтип представлен 3-мя примерами:

- 9) ... **аще ли се твориши второе, да третье будеши не створишь** ‘если сделаешь это во второй раз, то в третий уже не сделаешь’ [ЖАЮ, 3969—3970],
 ... εἰ δευτερώσεις, οὐ τρίτως εἶς ‘если сделаешь [это] во второй раз, в третий не сделаешь’ (3970),
- 10) ... **аще ли се створитъ второе да третье бѹдетъ не створишь** [ЖАЮ, 3973—3974],
 ... εἰ δὲ δευτερώσει, οὐ μὴ τρίτως εἶς (3973—3974),
- 11) ... **аще ли хоцещи да предамъ кго дѹхови нечистѹ бѹдетъ ходити бѣсася** ‘если хочешь, предам его нечистому духу, и станет ходящим, беснуясь’ [ЖАЮ, 3410—3411],
 ... ἐὰν δὲ θέλεις, παραδίδομι αὐτὸν πνεύματι ποιηρίας καὶ ἔσται περιάγων δαιμονιζόμενος букв.: ‘... и станет ходящий кругом, будучи одержимым’ (3410—3411).

В употреблении данного типа конструкция *будет* + *-л* очевидно выступает не в качестве относительного, а в качестве абсолютного времени, относящего событие к плану будущего, что подтверждается данными греческого оригинала — во всех трех случаях конструкция *будет* + *-л* употреблена в соответствии с формами греческого футурума I в соединении с причастием (в (11)) или без него. Конструкция *будет* + *-л* в данных контекстах обозначает результат, который является не фоном для последующих событий, а следствием предшествующего действия.

В приведенных примерах рассматриваемая структура оказывается семантически близка к «*начьноу* + инфинитив», поскольку также обозначает возникновение и дальнейшее продолжение ситуации. Показательно, что в отрицательных контекстах частица **не**, как и в структурах с *начьноу*, не привязана к вспомогательному глаголу²². *Начьноу* + **не** + инфинитив имеет в древнерусском языке значение ‘перестать, прекратить Р’ [Юрьева 2009: 20]; в том же значении находим и **бѹдетъ** + **не** + *-л* в (9) и (10). Это семантическое сближение двух структур вовсе не является случайным. Как показано И. С. Юрьевой [Там же: 19], конструкция *начьноу* + инфинитив в древнерусском языке изредка могла употребляться и в значении ‘обнаружится/окажется (станет известным), что’, т. е. синонимично *будет* + *-л*.

Основанием для сближения названных конструкций является инцептивный семантический компонент, общий для *бѹдоу* и для *начьноу*. Основа *bod-* является инфиксальным образованием от **bhū* < **bhewə-* «расти»

²² Для конструкции *будет* + *-л* в древнерусских памятниках характерна постановка частицы **не** перед л-формой, а не перед вспомогательным **бѹдетъ**, случаи употребления **не** перед **бѹдетъ** единичны [Пенькова 2012: 115—203].

[Мейе 1934/2001: 165—166; Кузнецов 2002: 135—141] (ср. греч. φυτόν, слав. **былик** [Потебня 1888: 127]) > «становиться» и отличается от производящей основы аспектуальным значением ‘начало действия’, которое возникает благодаря наличию носового инфикса. Этим аспектуальным значением объединялись в праславянском языке основы глаголов I класса, такие как *seǫǫ*, *leǫǫ*, *obreštǫ* и *bǫǫǫ*, маркированные по наличию носового инфикса [Кузнецов 2002: 135—141]. По-видимому, особой аспектуальной характеристикой основы в праславянском объясняется и тот факт, что образования от *буд-* в древнерусском языке ведут себя как формы от основы совершенного вида (в частности, одной из этих форм является имперфект совершенного вида **БУДАШЕ** [Маслов 2004: 141—175; Зализняк 2008: 94—106]).

II. 2. Особой разновидностью второго типа являются целевые и косвенно-побудительные конструкции с частицей **да** — структуры, в которых более вероятным — по крайней мере, для ЖАЮ — было бы ожидать форму сослагательного наклонения **бы** + *-л*²³.

В ЖАЮ встретилось 2 таких примера:

- 12) ... **повелѣлъ бо вѣдше еи да сѧ препояшеть исподи, да вѣдеть имѣла сотонѣ обвившася около себе**²⁴ ‘ведь [волхв] повелел ей [женщине], чтобы она перепоясалась под одеждой, чтобы оказалось, что она имеет сатану, обвившегося вокруг нее’ [ЖАЮ, 3636—3638],
... τουτέστιν ἵνα ἔχη τον Σατανᾶν ‘то есть чтобы имела сатану...’ (3638),

²³ Как показано А. А. Пичхадзе, в переводных древнерусских памятниках конструкция **да** + сослаг. накл. более характерна для косвенно-побудительных предложений, тогда как в целевых преобладают структуры **да** + индикатив [Пичхадзе 2011: 331—335]. На этом фоне, наряду с некоторыми другими текстами, резко выделяется ЖАЮ, в котором, согласно [Молдован 1996: 261—270], конструкции с сослаг. накл. широко используются не только в косвенно-побудительных, но и в целевых придаточных.

²⁴ В. С. Лесневский, исследуя косвенно-побудительные предложения в Успенском сборнике, выявил следующую закономерность: после глаголов приказа употребляются структуры «**да** + индикатив», тогда как конструкции **да** + сослаг. накл. «могут сочетаться только с кругом глаголов со значением желания, просьбы, мольбы... но не повеления» [Лесневский 1976: 183]. В других древнерусских памятниках изредка после глаголов приказа могут употребляться и формы сослаг. наклонения [Пичхадзе 2011: 331—335]. В (12) указанное выше распределение не нарушено: глагол **повелѣти** вводит структуру «**да** + индикатив». Однако в соседнем придаточном вполне можно ожидать как структуру с формой индикатива, так и с формой сослаг. наклонения — о такого рода «чередовании» форм индикатива и сослагательного наклонения в однородных **да**-придаточных см. [Лесневский 1976: 181—182].

- 13) ... **да се нына азъ тѣ оустрою да будеши ктому не красть николиже** ‘сейчас я тебе сделаю [так], чтобы ты не крал отныне никогда’ [ЖАЮ, 2669—2671],
 ... ἐγὼ σοι δεῖξω μῆκέτι κλέπτειν ‘я тебя заставлю больше не красть’ (2671).

В (12) в форме косвенной речи передаются распоряжения волхва женщине, которая обратилась к нему за помощью; в (13) — речь усопшей праведницы, грозящей осквернителю своей гробницы ослеплением.

Греческими соответствиями конструкции *будет* + *-л* являются, соответственно, форма конъюнктива настоящего времени от глагола ἔχω ‘иметь’ и форма инфинитива настоящего времени от глагола κλέπτω ‘красть’. Показательно, что формы сослагательного наклонения, употребляемые в ЖАЮ в целевых и косвенно-побудительных конструкциях с частицей **да**, зачастую используются для перевода тех же греческих структур, что и *будет* + *-л* в приведенных контекстах, — форм конъюнктива и инфинитива [Молдован 1996: 261—270]. По-видимому, использование конструкции *будет* + *-л* для перевода названных форм объясняется, во-первых, тем, что предшествующее действие (**да сѣ преподашеть; оустрою**) отнесено говорящим к плану будущего и, следовательно, связано с некоторой долей гипотетичности. *Будет* + *-л* обозначает цель этого действия, характеризующуюся еще большей степенью предположительности, ср. (12), где конструкция *будет* + *-л* выступает в функции будущего в прошедшем и маркирует точку зрения Наблюдателя, для которого момент исполнения повеления волхва относится к будущему, а значит, существует не в реальности, а лишь в потенции²⁵. Такое употребление конструкции *будет* + *-л* в целевых и косвенно-побудительных структурах с частицей **да**, синонимичное «**да** + *сослаг. накл.*», косвенно указывает на то, что рассматриваемая конструкция служила для обозначения ситуаций, которые являются для говорящего не реальными, а лишь потенциально возможными. Семантическим основанием для функционального сближения названных структур может являться способность как одной, так и другой обозначать ситуации, входящие в сферу потенциальной модальности: возможные — для *будет* + *-л* и желаемые для **бы** + *-л*.

Во-вторых, на выбор переводчика в рассматриваемых примерах могли оказать влияние и аспектуальные характеристики глаголов **имѣти** и **красти** — их принадлежность к бесприставочным, так называемым *неохарактеризованным* по виду [Кукушкина, Шевелева 1991: 38—49] и не способным выразить начинательное значение (в (13) в контексте с отрицательной частицей трансформирующееся в ‘перестать’, ср. далее в П.1), вводимое в

²⁵ Перед нами один из случаев употребления *будет* + *-л* в нарративе, благодаря чему события представлены как имевшие место в прошлом; при этом точкой отсчета является не момент речи, а текущий момент текстового времени — «настоящее время... наблюдателя-повествователя», согласно [Падучева 1996: 285].

данных случаях формой презенса **вѣдѣтъ**²⁶ (ср. ниже пример из КЛ, в котором будет употреблено при имперфективе **вѣдати**).

Конструкция *будет* + -л в структуре с союзом **а** в целевом значении — т. е. в контексте, семантически сходном с рассматриваемым в данном пункте²⁷ — фиксируется в прямой речи КЛ: ... **азъ ти есмь съ брѣмѣ твоимъ с Володимеромъ Ѡселѣ оуже пошелъ, а ты поиди Ѡтолѣ, скѹпѣса весь, а вѣдалъса будеть Володимеръ, кого заемъ** 'я же с братом твоим Владимиром отсюда уже вышел, и ты выходи оттуда, собрав всех людей, чтобы стал узнавшим Владимир [Галицкий] (букв.: а узнавшим станет Владимир), кого захватил' [КЛ, 1150 г., 147 об.].

Здесь, так же как и в примерах из ЖАЮ, использование рассматриваемой конструкции дает говорящему возможность подчеркнуть значение результативности, чего не позволяют выразить структуры с формой презенса или сослагательного наклонения. Благодаря этому высказывание приобретает несколько бóльшую категоричность (ср. характерное для современной русской речи употребление л-формы, при котором говорящего интересует немедленное наступление желаемого результата (типа «*Пошел!*» в императивном значении)), — категоричность, вполне уместную при выражении требования (12) или угрозы (13); показательно, что в той же иллокутивной функции угрозы рассматриваемая конструкция употреблена как в примере из КЛ, так и выше в (9), (10), (11). Контекст из КЛ, прямая речь которой характеризуется высокой степенью не книжности [Зализняк 2004: 51] и по многим параметрам сближается с языком берестяных грамот, подтверждает возможность такого употребления конструкции *будет* + -л в живом древнерусском языке.

Таким образом, на основании данных ЖАЮ и КЛ — архаичных в языковом отношении памятников, переведенных или созданных в Древней Руси, можно говорить о том, что конструкция *будет* + -л уже в раннедревнерусском языке могла употребляться в значении «следования в будущем», сохраняя при этом семантический компонент 'результативность'.

В юго-западных украинских диалектах конструкция *будет* + -л встречается до сих пор, однако изначально присутствовавшая в её семантике результативность утрачена, а конструкция выражает следование за моментом речи, т. е. значение будущего времени [Соколова 1972: 29]. В подобном употреблении находим конструкцию *будет* + -л в древнепольском языке [Ананьева 1994: 240—241], в древнечешском — наряду с выражающим значение предшествования в будущем [Andersen 2006a: 17], в современных

²⁶ Параллелизм с «**начати** + инфинитив» проявляется и в этом случае, поскольку, согласно [Пичхадзе 2011: 344], «сочетания с **начати** используются в ЖАЮ для обозначения начала состояния или длительного действия, если оно обозначено глаголами, для которых трудно подобрать... перфективы с начинательным значением».

²⁷ О возможности употребления союза **а** в древнерусском языке не только в качестве соединительного и уточнительного союза, но и для выражения различных подчинительных отношений см. [Пичхадзе 1999: 28—37].

польском и словенском языках, ср., напр., словенск. *bom pisal* ‘я буду писать’ [Тихомирова 2005: 372—373; Дуличенко 2005: 205].

На эту семантическую эволюцию *будет + -л* — по крайней мере в украинских говорах — могли повлиять употребления в значении следования в будущем, подобные рассмотренным в данном пункте. Возможность такого семантического развития конструкции *будет + -л*, по-видимому, существовала в древнерусском языке, однако по причине чрезвычайно низкой частотности употреблений данного типа не получила в великорусских говорах дальнейшего развития.

III. Модальное значение

В основе модального употребления конструкции *будет + -л* также лежит семантический сдвиг, однако другого рода. Отнесение обнаружения истинного положения дел к будущему лишь имитируется грамматической внутренней формой конструкции, за счет чего возникает значение предположительности: ‘в будущем окажется, что Р уже произошло’ → ‘в настоящем неизвестно, произошло ли Р’ → ‘возможно, произошло Р’.

В ЖАЮ конструкция *будет + -л* в данном употреблении зафиксирована в 4-х случаях из 15-ти.

В одном из примеров рассматриваемая структура употреблена в контексте с условным союзом **аще**, однако перед нами не условное придаточное, а вопрос-предположение, вводимый глагольной формой **вѣсть**:

- 14) ... **дрѹзѣи гл҃ху: кто вѣсть, аще ли оустравилсѧ бѹдетъ да**²⁸
плачетсѧ своѧ лишены части ‘другие говорили: «Кто знает, возможно (вероятно), [св. Андрей] протрезвел (стал трезвым) и оплакивает свою несчастную судьбу?»’ [ЖАЮ, 2592—2593].

Союз **аще** в соединении с вопросительной частицей **ли** здесь вводит косвенный вопрос (ср., например, подобное употребление англ. *if*, франц. *si*), практически в точности повторяя греческий комплекс $\epsilon\acute{\iota}$ *ἄρα*, состоящий из условного союза и частицы, ср.:

$\tau\acute{\iota}\varsigma$ $\omicron\acute{\iota}\delta\epsilon\nu$ $\epsilon\acute{\iota}$ *ἄρα* $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ $\nu\eta\psi\iota\nu$ $\gamma\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\tau\eta\nu$ $\acute{\epsilon}\alpha\nu\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\acute{\upsilon}\rho\epsilon\tau\alpha\iota$ $\tau\acute{\upsilon}\chi\eta\nu$
‘кто знает, не оплакивает ли он, оказавшись в трезвости, свою участь’ (2592—2593).

В рассматриваемом контексте с помощью конструкции **оустравилсѧ бѹдетъ** выражается точка зрения воспринимающего субъекта, который на основе наблюдаемого им делает предположение о том, в каком состоянии

²⁸ Здесь, по-видимому, **да** не в значении ‘пусть’, а в значении ‘и’, поскольку в соответствующем контексте греческого оригинала жития мы также не находим повелительной семантики, а лишь значение предшествования одного действия другому. О полифункциональном характере союза **да**, который широко использовался для перевода сочинительных структур с греческим $\kappa\alpha\acute{\iota}$, см. [Лесневский 1984: 99—105].

находится св. Андрей Юродивый, и обращает свой вопрос-предположение к собеседнику или к самому себе. С помощью *будет* + *-л* передано состояние, по мнению говорящего, могущее иметь место в момент речи: наступление трезвости предшествует и является причиной другого действия в настоящем (*плачется*). Греческим соответствием конструкции *οὐστραβιλῆσα* *βοῦδετῆ* является форма причастия медиального залога от основы аориста глагола *γίνομαι* 'рождаться, становиться, делаться' в соединении с предложно-падежным сочетанием с аккузативом имени существительного *νῆψις* 'трезвость'. Древнерусский переводчик в рассматриваемом контексте в целом точно воспроизводит греческую фразу, отступая от принципа *verbum de verbo*, по-видимому, только при переводе причастного оборота, который он передал с помощью конструкции *будет* + *-л*.

Несмотря на формальные различия между древнерусской конструкцией *οὐστραβιλῆσα* *βοῦδετῆ* и ее греческим соответствием, перевод сохраняет многие семантические особенности оригинала: статальность, выраженная предложно-падежным сочетанием *εἰς* *νῆψιν* 'в трезвость' в соединении с медиальным причастием аориста *γενόμενος*, и значение предшествования, выражаемое в греческом формой от основы аориста, в древнерусском переданы с помощью *будет* + *-л*, которая в рассматриваемом контексте имеет архаичное статально-перфектное употребление. Единственным семантическим компонентом, не находящим прямого соответствия в оригинале, является футуральность, выражаемая формой перфективного презенса *βοῦδετῆ*. Возникает закономерный вопрос: по какой причине структура с футуральным значением употреблена в контексте, в котором речь идет не о будущем, а о ситуации, наблюдаемой в настоящем?

По-видимому, единственно возможным объяснением данного употребления может быть признание того факта, что конструкция *будет* + *-л* здесь служит маркером предположительной модальности. Значение предположительности возникает благодаря семантическому переходу 'окажется в будущем' → 'возможно в настоящем'. В основе этого семантического сдвига лежит импликация 'окажется, выявится в будущем' → 'неизвестно в настоящем'. Воспринимающий субъект в данном примере не обладает точной уверенностью в том, в каком состоянии находится Андрей Юродивый, и лишь делает предположение. В греческом предположительность выражена частицей *ἄρα* 'неужели, разве'²⁹, в древнерусском переводе — вопросительной частицей *ли* в соединении с конструкцией *будет* + *-л*.

Показательно, что в рассмотренном контексте употреблена именно структура с *будет*, а не форма перфекта типа *-л—есмь*, также возможная в ситуации, которая описывает событие в прошлом, сохраняющее свою актуальность в момент речи. Форма перфекта передавала бы здесь модальность реальную (не случайно в северо-западных говорах на базе перфекта

²⁹ Так эта частица передана в [Молдован 2000: 526] и в [Rydén 1995]; в рукописи — *ἄρα* [Мол. 552: 77v].

развивается удостоверительная частица *есть* [Шевелева 2006]), тогда как *будет* + *-л*, напротив, вводит модальность предположительную.

Ряд других примеров употребления *будет* + *-л* в ЖАЮ, в которых рассматриваемая конструкция встречается в одном контексте с формами перфекта, также указывают на то, что перфект *-л-есмь* и конструкция *будет* + *-л* не смешивались в сознании древнерусского переводчика, противопоставляясь не только по темпоральным, но и по модальным характеристикам³⁰. Рассмотрим эти примеры:

- 15) ... да друзѣи глаху: что се бы вѣшену сему да прилѣ ксть сѣмо? нѣ ослабило кму будеть понѣ мало, иже в немь ксть нечѣстн дхъ '... а другие говорили: «возможно, ему стало легче хотя бы немного, так как в нем есть нечистый дух»' [ЖАЮ, 2332—2333].
 Τί ἄρα ἐγένετο τῷ δαιμονιώδει τούτῳ, ὅτι ἐνταῦθα ἐλήλυθε. ... Καί τινες ἔλεγον· Ἴσως ἀνέθηκεν ἐν βραχεῖ ἀπὸ τοῦ ἐπηρεάζοντος αὐτὸν πονηροῦ πνεύματος.

В (15) конструкция *будет* + *-л* соседствует с формой перфекта **пришлѣ ксть**. Разница между двумя перфектными образованиями в данном случае заключена вовсе не в темпоральном значении, так как описываемые данными структурами ситуации относятся к одному и тому же временному плану: перфект обозначает действие, совершившееся в прошлом, конструкция *будет* + *-л* обозначает состояние, также наступившее, по мнению говорящего, до момента речи, причем результат совершившегося действия, как и результат предполагаемого наступившего состояния говорящий (= воспринимающий субъект) наблюдает в момент речи. Противопоставлены две глагольные формы здесь только модальным значением. Перфект является немаркированной формой, подразумевающей реальную модальность. Конструкция *будет* + *-л* маркирована и выражает модальность предположительную. В тексте греческого оригинала древнерусскому перфекту **пришлѣ ксть** соответствует форма перфекта от глагола ἔρχομαι 'приходить', а конструкции **не ослабило будеть** — форма аориста от глагола ἀνατίθημι 'откладывать'.

³⁰ Очевидные семантические различия между формами перфекта и *будет* + *-л*, затрагивающие не только сферу темпоральности, но и модальность, не позволяют согласиться с точкой зрения С. П. Лопушанской, писавшей об отсутствии в древнерусских памятниках XI—XIV вв. свидетельств «регулярной противопоставленности глаголов с временным значением при *л*-форме (...) которая сама с помощью контекстуальных средств приобретала способность передавать все необходимые оттенки реальных и возможных прошедших действий» [Лопушанская 1990: 68]. По крайней мере для раннедревнерусского периода наличие семантических различий между **буду** и **есмь** не вызывает сомнений. Показательна в этом отношении и дальнейшая судьба этих вспомогательных глаголов, послуживших источниками возникновения модальных частиц *буде(т)* и *есть* со значениями предположения и удостоверения соответственно.

Использование переводчиком конструкции *будет + -л* в этом случае, по всей видимости, также связано с лексическими особенностями оригинала: древнерусскому **НЕ ОСЛАБИЛО БОУДЕТЬ** соответствует не просто ἀνέθηκεν, но аорист в сочетании с модальной частицей ἴσως ‘может быть’, также присутствующей в контексте. В отличие от (14), где модальной частице *ѣра* соответствует древнерусская частица **ли**, в данном примере частица ἴσως ‘может быть’ не имеет прямого эквивалента в тексте перевода. По-видимому, значение предположительности, выраженное в греческом лексически, передается в древнерусском грамматически — конструкцией *будет + -л*. Реально не соответствующее действительности и лишь предполагаемое говорящим положение дел обозначается с помощью конструкции *будет + -л*, относящей обнаружение к плану будущего своей внутренней формой. Таким образом, мы можем видеть здесь тот же семантический переход, что и в (14): ‘окажется в будущем’ → ‘возможно в настоящем’.

Механизм этого семантического перехода можно продемонстрировать на следующем примере, в котором рассматриваемая конструкция также употреблена в контексте с формой перфекта:

- 16) ... **оуици мѧ, аче ти ксѣмъ невѣренъ, тако пришеѡтъ ксѣмъ отган и оу-кралъ бѹдѹ Ѡ плода сего нѣчто** ‘обыщи меня, неверен ли я тебе (в том, что) я пришел тайно и, возможно, украл какой-нибудь из этих плодов’ [ЖАЮ, 2423—2425]. В греческом тексте конструкции *будет + -л* соответствует форма перфекта от глагола σιλάω ‘грабить, похищать’: ... καθ’ ὅτι λεληθότως σεσίληκα τοῦ καρποῦ αὐτοῦ (букв.: ‘относительно того, не украл ли я тайно от плода этого’) (2424—2425).

Оба действия, обозначенные указанными формами (**пришеѡтъ ксѣмъ** и **оу-кралъ бѹдѹ**), совершены до момента речи, одно за другим (пришел и украл). Перфект в данном случае выражает значение реальной модальности, так как адресату известно, что действие было совершено в действительности: **пришеѡтъ ксѣмъ** означает примерно ‘я пришел и, как следствие этого, я нахожусь здесь’. С помощью конструкции *будет + -л* в высказывании вводится значение потенциальной модальности. Однако в отличие от примеров, рассмотренных выше, в которых обнаружение, выявление истинного положения дел в *будущем* невозможно, в (16) такая возможность сохраняется контекстом. Здесь перфект *л-есѣмъ* и конструкция *будет + -л* различаются и модальными, и темпоральными значениями. В других же случаях, когда футуральная интерпретация структуры оказывается невозможной (так в (14)—(15), а также в (17)—(18) ниже), противопоставление по темпоральным характеристикам нейтрализуется и сохраняются только различия в модальности.

Рассмотренный пример демонстрирует, как на различия в темпоральности могут накладываться дополнительные модальные смыслы: вследствие употребления конструкции в форме 1 л. ед. ч. возникает значение ирреаль-

ности. Говорящий не может *предположить*, что он украл: форма 1-го л. ед. ч. накладывает на это запрет. По этой причине вся ситуация передается с точки зрения воспринимающего субъекта (здесь — адресата), а *будет* + *-л* — в противоположность форме перфекта, которая подтверждает реальность факта (*пришелъ есмь*), — позволяет говорящему выразить значение ирреальности, т. е. *так*... *бѹдѹ оукралъ* здесь оказывается семантически очень близко к *якобы я украл*.

В КЛ также находим пример употребления конструкции *будет* + *-л* по отношению к событию, имеющему ирреальный статус:

- 17) ... ты еси молодъ, а поеди прочь и на позорѹи, како ны **бѹдетъ ѡцъ твои кормилъ и любилъ**, а хочемъ за ѡца твоего **чстъ и за твою головы своа сложити** 'поезжай прочь и за нами наблюдай; поскольку отец твой нас кормил и любил, то мы готовы за отца твоего честь и за твою головы свои сложить...' [КЛ, 167 об. — 168, 1153 г.]³¹.

Речь идет об уже умершем отце молодого князя Ярослава Владимировича Галицкого; конструкция *будет* + *-л* здесь очевидно выражает не хронологическое предшествование одного события другому, а связь двух временных планов, при которой события в прошлом приобретают актуальность для событий в будущем. Структура же, относящая к будущему событие, которое в будущем невозможно, в данном употреблении приобретает ирреальный семантический компонент.

В следующем контексте представлен центральный эпизод ЖАЮ — видение Богородицы во Влахернах. В данном случае перед нами один из редчайших случаев употребления конструкции *будет* + *-л* в нарративе (в исследованных памятниках рассматриваемая конструкция употребляется только в прямой речи, в нарративном контексте зафиксирована только в ЖАЮ):

- 18) ... да егда сѧ ѡмоли [Богородица], мафоръ еѧ тако молниино видинне имѧ... ѡвивши ѡ себе... вѣрху всѣх людѣи простре ... стоящихъ тѣ... да донелѣже вѣаше тамо **стаѧ Бѣа**, видисте и та **а понелѣже ѡиде**, боле того не видисте: **взала бо бѹдетъ со собою**, а **вѣтъ оставила естъ сѣщимъ тамо** '... а после того как ушла [Богородица], [они] больше этого [покрова] не видели, так как, возможно, она подняла его с собою' [ЖАЮ, 5032—5041].

В греческом тексте в позиции *будет* + *-л* употреблена форма аориста от глагола ἀίρω 'поднимать, удалять'. Однако древнерусский переводчик пе-

³¹ В СЛ по Лаврентьевскому списку, один из источников которой, имеющий южнорусское происхождение, также лежит в основе КЛ [Приселков 1940/1996: 111], под 1153 г. содержится запись о тех же событиях, о которых идет речь в КЛ, однако текст здесь подвергся сокращению, и фрагмент, соответствующий приведенному, в СЛ отсутствует.

редает форму греческого аориста перфектной формой будущего времени *будет* + -л. По какой же причине цепочка аористов прерывается и появляются перфектные формы?

В данном контексте, так же как в ряде других употреблений, *будет* + -л не просто сообщает о событии, а дает интерпретацию некоторому другому событию. В данном случае с помощью конструкции *будет* + -л объясняется, по какой причине перестал быть виден покров Богородицы. Говорящий не обладает достоверной информацией о сообщаемых ему событиях, происходящих в мире горнем, и делает предположение-вывод ‘возможно, вероятно, [Богородица] подняла [покров] с собой’. Поскольку в данном случае истинное положение дел не может быть обнаружено в будущем, фокус смещается на отсутствие точного знания в настоящем, т. е. возникает тот же семантический переход, что и в примерах, рассмотренных выше: ‘окажется, что Р’ → ‘возможно, Р’.

В приведенном контексте в одном ряду употребляются конструкция *будет* + -л и собственно перфект: **взѣла бѣдѣть** и **оставила кѣтъ**. Эти структуры имеют одно и то же темпоральное значение и противопоставлены формам аориста семантическим компонентом ‘наличие актуального результата’, а друг другу — различными значениями, которые принимает эпистемическая модальность: модальностью достоверности собственно перфекта и модальностью предположительности конструкции *будет* + -л. ...**бѣтъ оставила естъ сѣщимъ тамо** означает, что присутствие благодати *реально* ощутимо; **взѣла бо бѣдѣть со собою** означает ‘возможно, забрала с собой’³². Такое же соотношение между формами собственно перфекта и *будет* + -л представлено и в (14)—(16).

Выводы

Материал ЖАЮ свидетельствует о таком семантически широком употреблении конструкции *будет* + -л, которого не знают ни бытовые, ни деловые, ни летописные источники, ни более книжные церковнославянские тексты. Традиционные представления о рассматриваемой структуре как о форме с таксисным значением «предшествования в будущем» обусловлены, прежде всего, ограниченностью материала, имеющегося в нашем распоряжении — низкой частотностью конструкции *будет* + -л в древнерусской письменности, а также однотипностью структур, представленных в деловых и бытовых текстах.

³² В нарративном употреблении значение конструкции *будет* + -л, как и в некоторых других случаях, (ср. (3)—(4) и (14)—(15)), пересекается с семантической зоной эвиденциальности: в данном случае говорящий делает вывод на основании наблюдаемого им положения дел. Перфектные формы в целом, как известно, типологически склонны приобретать различные эвиденциальные значения, ср., например, [Козинцева 2007: 23].

Богатый материал ЖАЮ позволяет увидеть, что функция предшествования в будущем отнюдь не была основной для конструкции *будет + -л*, по-видимому, имевшей в древнерусском языке более широкое употребление, редко фиксируемое другими памятниками³³. На основании данных ЖАЮ, подтверждаемых примерами из не книжной КЛ, у рассматриваемой конструкции уже в раннедревнерусский период можно выделить три типа употребления, условно обозначаемые как ‘результативность в будущем’, ‘следование в будущем’ и ‘предположительная модальность’. В первом значении конструкция *будет + -л*, по-видимому, не столько выражала хронологическое предшествование другому событию в будущем, сколько результативность, отнесенную к плану будущего. Отличие конструкции *будет + -л* от собственно перфекта состояло не только в темпоральности, но и в модальности, в том, что называемая этой конструкцией ситуация является для говорящего только предполагаемой, потенциально возможной, а не реальной.

Предложенная семантическая интерпретация конструкции *будет + -л* позволяет понять, как развивались её производные значения: от исконного смещенно-перфектного к метонимически производному значению следования в будущем, с одной стороны, и к метафорически производному значению предположительности, — с другой. Последнее, в свою очередь, является одним из семантических источников дальнейшей эволюции вспомогательного *будет* на пути к превращению не только в условный союз, но и в модальную частицу *буде(т)* ‘возможно, может быть’, представленную в письменности XVI—XVII вв. [Шевелева 2008] и в современных северных говорах [Пожарицкая 2010: 122]. Трактовка *будет + -л* как относительного будущего времени объяснить многозначную структуру грамматического значения конструкции и дальнейшую судьбу вспомогательного глагола *будет* не позволяет.

Источники

ГВЛ — Галицко-волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

³³ Весьма показательны также два примера на употребление формы императива от основы *буд-* в сочетании с *л*-формой, подтверждающие «модальную» интерпретацию конструкции *будет + -л*: *Како не оубоашася съмьрти въдати (не) сътворьшааго ничьсоже достонна съмьрти?.. воуди была така вражда въ врѣмя проплатню Юго, чьто и по оумьртии Юго на гровѣ присѣдати* [(Сл. Григ. Антиох.) Усп.сб., 398]; *...р(ч)е ми тако: днешны(м̄) дне(м̄) вѣ(ди), Акире, възлаъ пре(д) изм̄лаъ Бм̄ъ, како тѣ види(х) жива, ако изв̄чилъ ма еси м̄дро(м̄) слово(м̄)* [Пов. Об Акире, 205].

- Изб. 1076 г. — Изборник 1076 года. Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко / Под ред. А. М. Молдована. Т. I—II. М., 2009.
- ИИВ — История иудейской войны // «История иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин / Отв. ред. А. М. Молдован. Т. I—II. М., 2004.
- КЛ — Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.
- Никон. лет. — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., 2000.
- НПЛК — Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- НПЛС — Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Пов. об Акире — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.
- Поуч. Серапиона Вл. — Поучения Серапиона Владимирского // Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. // Записки Ист.-филол. фак-та С.-Петербур. ун-та. СПб., 1888. Ч. 17.
- Пск. 2 лет. Псковская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М., 2000.
- Пск. 3 лет. Псковская третья летопись (по Строевскому списку) // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М., 2000.
- РЛ — Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
- РП — Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII века, скопированный с подлинника студентами ист.-филол. фак-та Имп. С.-Петербур. ун-та, под руководством И. И. Срезневского. СПб., 1888.
- СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.
- СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001.
- Сл. Григ. Антиох. — Слово св. Григория Антиохийского // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
- Х. Дан. иг. — Житие и хождение Даниила Русьския земли игумена 1106—1107 г. // Православный палестинский сборник. СПб., 1883. Т. I. Вып. 3.
- ЧН — И. И. Макеева. «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002—2003. М., 2003.

Литература

- Ананьева 1994 — Н. Е. Ананьева. История и диалектология польского языка. М., 1994.
- Арх. Сергей 1898/2007 — Архиеп. Сергей (Спасский) «Святой Андрей, Христа ради юродивый, и праздник Покрова Пресвятой Богородицы» // Жизнь и деяния св. отца нашего Андрея, юродивого Христа ради. С приложением сочинения архиеп. Сергея (Спасского) «Святой Андрей, Христа ради юродивый, и праздник По-

крова Пресвятой Богородицы». Вступ. ст., пер. с греч. языка и коммент. Е. В. Желтовой. СПб., 2007.

Бондарко 1990 — А. В. Бондарко. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория Функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Борковский, Кузнецов 1963/2006 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

Булаховский 1950 — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.

Буслаев 1869 — Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1—2. М., 1858.

Востоков 1863 — А. Х. Востоков. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб., 1863.

Горшкова, Хабургаев 1981/1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Дуличенко 2005 — А. Д. Дуличенко. Словенский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005.

Дурново 1913 — Н. Дурново. Очерк истории русскаго языка. Вып. 2. Харьков, 1913.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., дополн. М., 2008.

Иванов 1982 — В. В. Иванов. История временных форм глагола // Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Исаченко 2003 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. М., 2003.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Козинцева 2007 — Н. А. Козинцева. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб., 2007. С. 13—26.

Кузнецов 1953/2005 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005.

Кузнецов 1961/2002 — П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 2002.

Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 6. 1991. С. 38—49.

Ларина 1953 — О. И. Ларина. Глагольные формы в московских памятниках делового письма XV века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Лесневский 1976 — В. С. Лесневский. О некоторых структурных типах сложноподчиненных предложений в древнерусских текстах // История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976. С. 173—186.

Лесневский 1984 — В. С. Лесневский. Об одной синтаксической особенности древнеболгарских и древнерусских переводов с древнегреческого («да» = «ка!») // Palaeobulgarica / Старобългаристика. VIII. 1984. № 4. С. 99—105.

- Ломтев 1961 — Т. П. Л о м т е в. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. (Морфология). М., 1961.
- Лопушанская 1990 — С. П. Л о п у ш а н с к а я. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград, 1990.
- Маслов 2004 — Ю. С. М а с л о в. Избранные труды. М., 2004.
- Мейе 1934/2001 — А. М е й е. Общеславянский язык. М., 2001.
- Молдован 1996 — А. М. М о л д о в а н. Из синтаксиса древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 256—275.
- Молдован 2000 — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Мустафина 1984 — Э. К. М у с т а ф и н а. Способы выражения значения будущего времени в тексте Повести временных лет. Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.
- Мустафина 1984а — Э. К. М у с т а ф и н а. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет» (к вопросу о будущем времени в древнерусском языке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пенькова 2012 — Я. А. П е н ь к о в а. Фinitные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Пенькова 2012а — Я. А. П е н ь к о в а. Фinitные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Петрухин 2004 — П. В. П е т р у х и н. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Исследования по теории грамматикализации. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 313—329.
- Пичхадзе 1999 — А. А. П и ч х а д з е. О значениях и функциях союза *а* в древнерусском языке // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Пичхадзе 2011 — А. А. П и ч х а д з е. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Пожарицкая 2010 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Модальные слова, производные от глаголов БЫТЬ, БЫВАТЬ, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 103—131.
- Потебня 1888 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. Харьков, 1888.
- Приселков 1940/1996 — М. Д. П р и с е л к о в. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.
- Силина 1995 — В. Б. С и л и н а. Глагол // В. В. Иванов, С. И. Иорданиди, Л. В. Вялкина, Т. А. Сумникова, В. Б. Силина, В. Б. Крысько. Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995.
- Соболевский 1907/2005 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. М., 2005.

Соколова 1972 — И. Г. Соколова. Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.

Столярова 2000 — Л. В. Столярова. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000.

Тихомирова 2005 — Т. С. Тихомирова. Польский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 4. 1978. С. 42—53.

Хабургаев 1991 — Г. А. Хабургаев. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С. 42—54.

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в Псковских летописях // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215—241.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). 2007. С. 214—252.

Шевелева 2008 — М. Н. Шевелева. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола **быти** в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 6. 2008. С. 34—57.

Шевелева 2010 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* в летописях XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010. С. 200—242.

Юрьева 2009 — И. С. Юрьева. Семантика глаголов **имѣти**, **хотѣти**, **начати** (**почати**) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII—XV вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Юрьева 2013 — И. С. Юрьева. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2012—2013. М., 2013. С. 135—151.

Яковлева 1953 — А. П. Яковлева. К истории форм будущего времени в древнерусском языке (на материале некоторых новгородских и московских памятников письменности русского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Andersen 2006 — H. Andersen. Future and Future Perfect in the Old Novgorod Dialect // Russian Linguistics. 2006. № 1 (30). P. 1—18.

Andersen 2006a — H. Andersen. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation, ed. by Kerstin Eksell and Thora Vinther. Bern, 2006. P. 9—45.

Bybee 1998 — J. L. Bybee. «Irrealis» as a Grammatical Category // Anthropological Linguistics. № 2 (40). 1998.

Lampe — A Patristic Greek Lexicon / Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.

Mon. 552 — Bayerische Staatsbibliothek (München). Cod. graec. 552. Vita Andrea Sali. XIV s.

- Palmer 2001 — F. R. Palmer. *Mood and Modality*. Cambridge, 2001.
 PG 111 — J.-P. Migne. *Patrologiae cursus completus*. Vol. CXI. Paris, 1863.
 Rydén 1995 — *The Life of St. Andrew the Fool*. Uppsala, 1995.
 Večerka 1993 — R. Večerka. *Altikirchenslavische (altbulgarische) Syntax*. II. Freiburg i. Br., 1993.

References and sources

- Ananyeva 1994 — N. Ye. Ananyeva. *Istoriya i dialektologiya polskogo yazyka*. Moskva, 1994.
 Andersen 2006 — H. Andersen. Future and Future Perfect in the Old Novgorod Dialect // *Russian Linguistics*. № 1 (30). 2006.
 Andersen 2006a — H. Andersen. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // *Change in verbal systems. Issues in explanation*, ed. by Kerstin Eksell and Thora Vinther. Bern, 2006.
 Arkh. Sergiy 1898/2007 — Arkhiyep. Sergiy (Spasskiy) «Svyatoy Andrey, Christa radi yurodivyy, i prazdnik Pokrova Presvyatoy Bogorodicy» // *Zhizn i deyaniya sv. otca nashego Andrey, yurodivogo Khrista radi. S prilozheniyem sochineniya arkhiyep. Sergiya (Spasskogo) «Svyatoy Andrey, Christa radi yurodivyy, i prazdnik Pokrova Presvyatoy Bogorodicy»*. Vstup. st., per. s grech. yazyka i komment. Ye. V. Zheltovoy. St.-Peterburg, 2007.
 Bondarko 1990 — A. V. Bondarko. *Realnost/irrealnost i potencialnost // Teoriya Funkcionalnoy grammatiki. Temporalnost. Modalnost*. Leningrad, 1990.
 Borkovskiy, Kuznecov 1963/2006 — V. I. Borkovskiy, P. S. Kuznecov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva, 2006.
 Bulakhovskiy 1950 — L. A. Bulakhovskiy. *Istoricheskiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku*. Kiyev, 1950.
 Buslayev 1869 — F. I. Buslayev. *Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka*. Ch. 1—2. Moskva, 1858.
 Bybee 1998 — J. L. Bybee. «Irrealis» as a Grammatical Category // *Antropological Linguistics*. № 2 (40). 1998.
 ChN — I. I. Makeyeva. «Skazaniye chudes Nikolaya Mirlikiyskogo» // *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka 2002—2003*. Moskva, 2003.
 Dulichenko 2005 — A. D. Dulichenko. *Slovenskiy yazyk // Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki*. Moskva, 2005.
 Durnovo 1913 — N. Durnovo. *Ocherk istorii russkogo yazyka*. Vyp. 2. Kharkov, 1913.
 Gorshkova, Khaburgayev 1981/1997 — K. V. Gorshkova, G. A. Khaburgayev. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva, 1997.
 GVL — Galicko-volynskaya letopis // *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*. T. II. Ipatyevskaya letopis. Moskva, 2001.
 IIV — *Istoriya iudeyskoy voyny // «Istoriya iudeyskoy voyny» Iosifa Flaviya: Drevnerusskiy perevod*. Izd. podgot. A. A. Pichkhadze, I. I. Makeyeva, G. S. Barankova, A. A. Utkin / Otv. red. A. M. Moldovan. T. I—II. Moskva, 2004.
 Isachenko 2003 — A. V. Isachenko. *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii s slovackim: Morfologiya*. Moskva, 2003.

Ivanov 1982 — V. V. Ivanov. *Istoriya vremennykh form glagola* // R. I. Avanesov, V. V. Ivanov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol*. Moskva, 1982.

Izb. 1076 g. — *Izbornik 1076 goda*. Izd. podgot. M. S. Mushinskaya, Ye. A. Mishina, V. S. Golyshenko / Pod red. A. M. Moldovana. T. I—II. Moskva, 2009.

Kh. Dan. ig. — *Zhitiye i khozheniye Danila Russkyya zemli igumena 1106—1107 g.* // *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik*. St.-Peterburg, 1883. T. I. Vyp. 3.

Khaburgayev 1978 — G. A. Khaburgayev. *Sudba vspomogatelnogo glagola drevnikh slavyanskikh analiticheskikh form v russkom yazyke* // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya. № 4. 1978.

Khaburgayev 1991 — G. A. Khaburgayev. *Drevnerusskiy i drevnepolskiy glagol v sravnenii so staroslavjanskim (K rekonstrukcii praslavyanskoy sistemy preteritov)* // *Issledovaniya po glagolu v slavyanskikh yazykakh. Istoriya slavyanskogo glagola*. Moskva, 1991.

KL — *Kiyevskaya letopis* // *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*. T. II. Ipatyevskaya letopis. Moskva, 2001.

Knyazev 2007 — Yu. P. Knyazev. *Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive*. Moskva, 2007.

Kozinceva 2007 — N. A. Kozinceva. *Tipologiya kategorii zasvidetelstvovannosti* // «Evidencialnost v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati Natalii Andreyevny Kozincevoy. St.-Peterburg, 2007.

Kukushkina, Sheveleva 1991 — O. V. Kukushkina, M. N. Sheveleva. *O formirovani sovremennoy kategorii glagolnogo vida* // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya. № 6. 1991.

Kuznecov 1953/2005 — P. S. Kuznecov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya*. Moskva, 2005.

Kuznecov 1961/2002 — P. S. Kuznecov. *Ocherki po morfologii praslavyanskogo yazyka*. Moskva, 2002.

Lampe — *A Patristic Greek Lexicon* / Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.

Larina 1953 — O. I. Larina. *Glagolnyye formy v moskovskikh pamyatnikakh delovogo pisma XV veka*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1953.

Lesnevskiy 1976 — V. S. Lesnevskiy. *O nekotorykh strukturnykh tipakh slozhno-podchinennykh predlozheniy v drevnerusskikh tekstakh* // *Istoriya russkogo yazyka. Drevnerusskiy period*. Leningrad, 1976.

Lesnevskiy 1984 — V. S. Lesnevskiy. *Ob odnoy sintaksicheskoy osobennosti drevnebolgarskikh i drevnerusskikh perevodov s drevnegrecheskogo (“da” = “kay”)* // *Palaeobulgarica / Staroblgaristika*. VIII. № 4. 1984.

Lomtev 1961 — T. P. Lomtev. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika vostochno-slavyanskikh yazykov. (Morfologiya)*. Moskva, 1961.

Lopushanskaya 1990 — S. P. Lopushanskaya. *Razvitiye i funkcionirovaniye drevnerusskogo glagola*. Volgograd, 1990.

Maslov 2004 — Yu. S. Maslov. *Izbrannyye trudy*. Moskva, 2004.

Meillet 1934/2001 — A. Meillet. *Obshch斯拉vianskiy yazyk*. Moskva, 2001.

Moldovan 1996 — A. M. Moldovan. *Iz sintaksisa drevnerusskogo perevoda Zhitiya Andreyu Yurodivogo* // *Rusistika. Slavistika. Indoyevropeistika*. Sbornik k 60-letiyu Andreyu Anatolyevicha Zaliznyaka. Moskva, 1996.

Moldovan 2000 — A. M. Moldovan. *Zhitiye Andreyu Yurodivogo v slavyanskoy pismennosti*. Moskva, 2000.

- Mon. 552 — Bayerische Staatsbibliothek (München). Cod. graec. 552. Vita Andrea Sali. XIV s.
- Mustafina 1984 — E. K. Mustafina. Sposoby vyrazheniya znacheniya budushchego vremeni v tekste Povesti vremennykh let. Dis. ... kand. filol. nauk. Dushanbe, 1984.
- Mustafina 1984a — E. K. Mustafina. Sposoby vyrazheniya znacheniya budushchego vremeni v tekste «Povesti vremennykh let» (k voprosu o budushchem vremeni v drevnerusskom yazyke). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1984.
- Nikon. let. — Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu. // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. XIII. Vyp. 2. Moskva, 2000.
- NPLK — Novgorodskaya pervaya letopis mladshogo izvoda po Komissionnomu spisku // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshogo izvodov. Moskva, 2000.
- NPLS — Novgorodskaya pervaya letopis starshego izvoda po Sinodalnomu spisku // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshogo izvodov. Moskva, 2000.
- Paducheva 1996 — Ye. V. Paducheva. Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida. Semantika narrativa. Moskva, 1996.
- Paducheva 2004 — Ye. V. Paducheva. Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki. Moskva, 2004.
- Palmer 2001 — F. R. Palmer. Mood and Modality. Cambridge, 2001.
- Penkova 2012 — Ya. A. Penkova. Finitnyye obrazovaniya ot osnovy *bud-* v yazyke pamyatnikov russkoy pismennosti XII — pervoy poloviny XVI vv. (morfologiya, semantika, sintaksis). Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2012.
- Penkova 2012a — Ya. A. Penkova. Finitnyye obrazovaniya ot osnovy *bud-* v yazyke pamyatnikov russkoy pismennosti XII — pervoy poloviny XVI vv. (morfologiya, semantika, sintaksis). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2012.
- Petrukhin 2004 — P. V. Petrukhin. Semanticheskaya evolyuciya perfekta // Issledovaniya po teorii grammatikalizacii. Vyp. 3. Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004.
- PG 111 — J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Vol. CXI. Paris, 1863.
- Pichkhadze 1999 — A. A. Pichkhadze. O znacheniyakh i funkciyakh soyuza a v drevnerusskom yazyke // Yazyk. Kultura. Gumanitarnoye znaniye. Nauchnoye naslediyе G. O. Vinokura i sovremennost. Moskva, 1999.
- Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze. Perevodcheskaya deyatelnost v domongolskoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt. Moskva, 2011.
- Potebnya 1888 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1—2. Kharkov, 1888.
- Pouch. Serapiona VI. — Poucheniya Serapiona Vladimirskogo // Ye. Petukhov Serapion Vladimirskiy, russkiy propovednik XIII v. // Zapiski Ist.-filol. fak-ta S.-Peterb. un-ta. St.-Peterburg, 1888. Ch. 17.
- Pov. ob Akire — A. D. Grigoriev. Povest ob Akire Premudrom. Moskva, 1913.
- Pozharickaya 2010 — S. K. Pozharickaya. Modalnyye slova, proizvodnyye ot glagolov BYT, BYVAT, v severnorusskoy dialektnoy rechi // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. № 1 (19). 2010.
- Priselkov 1940/1996 — M. D. Priselkov. Istoriya russkogo letopisaniya XI—XV vv. St.-Peterburg, 1996.
- Psk.2 let. — Pskovskaya vtoraya letopis // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V. Vyp. 2. Moskva, 2000.
- Psk. 3 let. — Pskovskaya tretyaya letopis (po Stroevskomu spisku) // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V. Vyp. 2. Moskva, 2000.

- RL — Rogozhskiy letopisec // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. XV. Rogozhskiy letopisec. Tverskoy sbornik. Moskva, 2000.
- RP — Paleograficheskiy snimok teksta Russkoy Pravdy po Novgorodskoy kormchey knige XIII veka, skopirovanny s podlinnika studentami ist.—filol. fak-ta Imp. St.-Peterburgskogo universiteta, pod rukovodstvom I. I. Sreznevskogo. St.-Peterburg, 1888.
- Rydén 1995 — The Life of St. Andrew the Fool. Uppsala, 1995.
- SG — Smolenskiye gramoty XIII—XIV vv. Moskva, 1963.
- Sheveleva 2006 — M. N. Sheveleva. Neknizhnyye konstrukcii s formami glagola *byti* v Pskovskikh letopisyakh // Verenica liter: k 60-letiyu V. M. Zhivova. Moskva, 2006.
- Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «Russkiy plyuskvamperfekt» v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. № 2 (14). 2007.
- Sheveleva 2008 — M. N. Sheveleva. O sudbe drevnerusskikh konstrukciy s nezavisimymi formami glagola *byti* v russkom yazyke // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. № 6. 2008.
- Sheveleva 2010 — M. N. Sheveleva. Vtorichnyye imperfektivy s suffiksom *-yva/-iva-* v letopisyakh XII—XVI vv. // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. № 2 (20). 2010.
- Silina 1995 — V. B. Silina. Glagol // V. V. Ivanov, S. I. Iordanidi, L. V. Vyalkina, T. A. Sumnikova, V. B. Silina, V. B. Krysko. Drevnerusskaya grammatika XII—XIII vv. Moskva, 1995.
- SL — Suzdalskaya letopis po Lavrentyevskomu spisku // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. I. Moskva, 2001.
- Sl. Grig. Antiokh. — Slovo sv. Grigoriya Antiokhiyskogo // Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. Moskva, 1971.
- Sobolevskiy 1907/2005 — A. I. Sobolevskiy. Lekcii po istorii russkogo yazyka. Moskva, 2005.
- Sokolova 1972 — I. G. Sokolova. Budushcheye vremya glagola v russkoy i ukrain-skoy delovoy pismennosti XV v. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tashkent, 1972.
- Stolyarova 2000 — L. V. Stolyarova. Svod zapisey piscov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamnennykh kodeksov XI—XIV vekov. Moskva, 2000.
- Tikhomirova 2005 — T. S. Tikhomirova. Polskiy yazyk // Yazyki mira: Slavyan-skiye yazyki. Moskva, 2005.
- Uspenskiy 2002 — B. A. Uspenskiy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.). Moskva, 2002.
- Večerka 1993 — R. Večerka. Altikirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Freiburg i. Br., 1993.
- Vostokov 1863 — A. Kh. Vostokov. Grammatika cerkovno-slovenskago yazyka, izlozhennaya po drevneyshim onago pismennym pamyatnikam. St.-Peterburg, 1863.
- Yakovleva 1953 — A. P. Yakovleva. K istorii form budushchego vremeni v drevnerusskom yazyke (na materiale nekotorykh novgorodskikh i moskovskikh pamyatnikov pismennosti russkogo yazyka). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1953.
- Yuryeva 2009 — I. S. Yuryeva. Semantika glagolov *imeti*, *khoteti*, *nachati* (*pochati*) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII—XV vv. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2009.
- Yuryeva 2013 — I. S. Yuryeva. Nekotoryye osobennosti sintaksisa, morfologii i lek-siki tak nazyvayemoy Galicko-Volynskoy letopisi // Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka 2012—2013. Moskva, 2013.
- Zaliznyak 1995 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 1995.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. 2-e izdaniye, pererabotannoye s uchetom materiala nakhodok 1995—2003gg. Moskva, 2004.

Zaliznyak 2008 — A. A. Zaliznyak. «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista. 3-e izd., dopoln. Moskva, 2008.

ZhAYu — Zhitiye Andreya Yurodivogo // A. M. Moldovan. Zhitiye Andreya Yurodivogo v slavyanskoj pismennosti. Moskva, 2000.

ZhFP — Zhitiye Feodosiya Pecherskogo // Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. Moskva, 1971.

Резюме

В статье рассматриваются семантические и синтаксические особенности употребления конструкции *будет + л-форма* в древнерусском Житии Андрея Юродивого в сопоставлении с данными других древнерусских памятников письменности, переводных и оригинальных. Анализ употреблений конструкции позволяет заключить, что данная структура в древнерусском языке не была закреплена исключительно за условными придаточными, но имела более широкое употребление. У рассматриваемой конструкции можно выделить три типа употребления: 'результативность в будущем', 'следование в будущем' и 'предположительная модальность'. Очевидно, конструкция *будет + л-форма* в древнерусском языке была не относительным будущим временем, а, скорее, перфектной структурой, способной выражать модальные и эвиденциальные смыслы.

Ключевые слова: будущее сложное II, Житие Андрея Юродивого, относительное будущее, модальность.

Статья получена 15.08.2013

YANA A. PENKOVA

TOWARDS THE PROBLEM OF THE SO CALLED «COMPOUND FUTURE II» SEMANTICS IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF THE *LIFE OF ST. ANDREW THE FOOL*)

The paper deals with an analysis of semantic and syntactic peculiarities of the *budet + l-form* construction in the Life of the St. Andrew the Fool. The usage of the construction in question in this manuscript doesn't coincide with what is typical for the majority of Old Russian texts, original or translated, so that it allows us to delineate three uses of the *budet + l-form* construction and to conclude that the latter was not restricted to conditional clauses, but could be used more widely: not only as a reference to any time earlier than some future moment, but also as a marker of pure resultativity in the future or even as a marker of supposition. Obviously, *budet + l-form* construction wasn't just a relative future form, but rather a perfect form which could acquire modal and evidential semantic components.

Keywords: compound future II, the Life of St. Andrew the Fool, relative future, modality.

Received on 15.08.2013